

Научная статья

УДК 321

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47

Наталья Михайловна Золотухина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolotuhina@list.ru

Татьяна Валентиновна Власова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

*Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69*

Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии

Аннотация. Введение. Статья является первой из двух, посвящённых исследованию представлений о форме государства (в основном о двух её элементах: форме правления и политическом (государственном) режиме), существовавшей в период раннего и позднего Средневековья XI–XIII вв. (домонгольский период) и XVI – начале XVII вв. (Московское государство). Авторами дано теоретико-историческое обобщение подходов к проблеме формы государства и её элементов на примере организации государственной власти в средневековой Руси, оценки которой часто бывают прямо противоположными – от «абсолютного самодержавия», «теократического самодержавия» до словно-представительной монархии.

Методы. В работе критически, с использованием диалектического, общих логических приёмов, исторического, сравнительного и герменевтического методов исследования анализируются подходы к обозначенной проблеме, сложившиеся и развивающиеся в современной историографии, а также взгляды мыслителей, сформированные в средневековой политико-правовой доктрине, в которых прогнозируются, утверждаются, а затем и предлагаются проекты усовершенствования или даже радикальных изменений в форме организации государственной власти.

Результаты. Авторы приходят к выводу о том, что в современных исследованиях часто некорректно, как тождественные, рассматриваются понятия «единодержавие», «самодержавие» и «единовластие»; во многих исследованиях отсутствует теоретическое представление о форме государства и её элементах; весьма часто элементы формы государства совмещаются или подменяются один другим либо при названии одного элемента рассматривается другой; зачастую происходит ничем не обоснованная подмена терминов «самодержавие» и «абсолютизм».

Ключевые слова: форма государства, форма правления, политический (государственный) режим, самодержавие, монархия, империя, суверенитет

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 37–47; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47.

Natalia M. Zolotukhina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolotuhina@list.ru

Tatiana V. Vlasova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

*Russian State University of Justice,
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Problems of determining the form of government of Russia in the 11th – early 17th centuries in modern historiography

Abstract. Introduction. The article is the first of two papers devoted to the research of concepts concerning the form of the state (mainly its two elements: form of government and political (state) regime) that existed during the Early and Late Middle Ages of the 11th-13th centuries (pre-Mongolian period) and the 16th - early 17th centuries (Moscow state). The authors give the theoretical and historical synthesis of approaches to the problem of the form of the state and its elements on the example of the organisation of state power in medieval Russia, the assessments of which are often directly opposite - from «absolute autocracy», «theocratic autocracy» to class-representative monarchy.

Methods. By using dialectical, general logical methods, historical, comparative and hermeneutical methods of research, the authors critically analyse the approaches to the issue under consideration, which have been developed and are currently under development in modern historiography, as well as the ideas of scholars, framed in medieval political and legal doctrine, which forecast, approve and then propose some projects of improvement or even radical changes in the form of organisation of state power.

Results. The authors make a conclusion that modern researches often incorrectly use the concepts of «sovereignty», «autocracy» and «unity of power» as identical; a lot of researches have no theoretical understanding of the form of the state and its elements; quite often the elements of the form of the state are combined or substituted for one another, or when referring to one element the other is considered; often there is an ungrounded substitution of the terms «autocracy» and «absolutism».

Keywords: form of state, form of government, political (state) regime, autocracy, monarchy, empire, sovereignty.

For citation: Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. Problems of determining the form of government of Russia in the 11th - early 17th centuries in modern historiography // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 37–47; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47.

Введение

С 1968 по 1971 г. по инициативе Учёного совета Института истории СССР на страницах журнала «История СССР» продолжалась дискуссия по проблемам российского абсолютизма. Основными обсуждавшимися вопросами были «причины образования абсолютизма, соотношение абсолютизма и самодержавия, форма монархии, предшествующая абсолютизму, и время возникновения абсолютизма» [1, с. 65–88]. По завершении дискуссии правовед Ю. П. Титов пришел к выводу, что между учёными не было достигнуто соглашения в определении «абсолютизма как формы правления», установлении временных рубежей его возникновения; не выявленным осталось и различие «между абсолютизмом и формой феодальной монархии, предшествующей абсолютизму». Кроме того, он выразил сожаление об отсутствии в обсуждении весьма спорной темы о форме правления, сложившейся в раннем Средневековье XI–XIII вв., поскольку до настоящего времени научно не определены критерии понятия «раннефеодальная монархия», её признаки, особенности реализации и время существования [2, с. 5–6]. В. Т. Пащuto назвал отсутствие чёткой периодизации в развитии государственности России одним из серьезнейших пробелов в отечественной медиевистике [3, с. 6–7].

По проблемам, касающимся формы государства с входящими в неё элементами: формой правления, политическим (государственным)

режимом и формой государственного устройства¹ в их историческом развитии, в современной историографии не сложилась единой точки зрения. Напротив, имеются серьёзные разногласия между представителями различных отраслей гуманитарных наук: историко-юридической, исторической, филологической и философской. Между тем теоретически адекватное определение формы государства в совокупности всех её элементов на различных исторических этапах имеет существенное значение для характеристики правовых актов, судебной системы, способов отправления правосудия в государстве и особенно содержания политических и правовых доктрин, прогнозирующих организацию верховной власти в стране, предлагающих способы её усовершенствования или даже радикального изменения.

Решение всех перечисленных выше вопросов позволит более точно установить время формирования абсолютизма в России, что стало одной из центральных проблем в вышеупомянутой дискуссии, многие участники которой относили его возникновение к позднему Средневековью (XV–XVI вв.), а некоторые современные исследователи – даже к раннему его периоду

¹ Современное теоретическое определение формы государства и её элементов см., например: Теория государства и права / под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Власова, Т. С. Лесовая. – Москва: РГУП, 2023. – С. 89–105 (автор главы С. В. Мирошник).

(XI–XIII вв.). Такое разнообразие точек зрения сохраняется и поныне. Между тем в гуманитарных науках, в том числе историко-правовых, изучению образования и развития формы государства, её элементов (особенно формы правления) в России XI–XVII вв. уделяется значительно меньше внимания по сравнению с более поздними периодами.

Методы

Подходы к проблеме формы государства и её элементов на примере организации государственной власти в средневековой Руси, сложившиеся и развивающиеся в современной историографии, а также взгляды мыслителей, сформированные в средневековой политико-правовой доктрине, в которых прогнозируются, утверждаются, а затем и предлагаются проекты усовершенствования или даже радикальных изменений в форме организации государственной власти, анализируются критически, с использованием диалектического, общих логических приёмов, исторического, сравнительного и герменевтического методов исследования.

Результаты

Весьма существенной проблемой при исследовании указанного периода является отсутствие единства в понимании терминов, посредством которых обозначались основные политико-правовые категории в понятийном аппарате средневековых законодателей и мыслителей. Главным здесь является определение исторического и современного содержания терминов «самодержавие» и «теократия», словесных формул, включающих эти термины («теократическое самодержавие», «теократический абсолютизм»), а также употребления в качестве синонимов терминов «самодержавие», «единодержавие» и единовластие», не являющихся таковыми по своему смыслу.

Наибольшее количество споров до настоящего времени вызывает термин «самодержавие». Сложность установления его этимологии заключается в эволюционном изменении самого понятия, обозначенного этим термином. «Самодержавием» (исторически «самодержеством») практически до начала XVIII в. обозначалось «суворенное государство». «Самодержцем» назывался правитель, самостоятельно владевший и управлявший своей страной². В. О. Ключевский отметил, что «Древняя Русь... не соединяла с идеей самодержавия внутренних политических отношений, считая самодержцем только владельца, независимого от внешней силы» [4, с. 157]. В другой своей работе «Боярская дума в Древней Руси», как бы подводя итог своим изысканиям по этому вопросу, историк прямо написал: «Значит словом *самодержец* (курсив В. О. Ключевского) характеризовались не внутренние политические отношения, а внешнее

положение московского государя: под ним разумели правителя, не зависящего от посторонней чуждой власти, самостоятельного; самодержцу противополагали то, что мы назвали бы вассалом... Так смотрели на московского государя современники Ивана III: они видели в нем «руssких земель государя» независимого главу православного христианского государства» [5, с. 199– 200].

Историк государства и права О. И. Чистяков обратил внимание на сложный состав термина «самодержавие», соединяющего два слова «сам» и «держу», т. е. данный правитель сам держит власть на всей территории, входящей в его владения, при отсутствии на ней другого правителя, равного ему по объёму властных полномочий. «Иван III, завершивший освобождение Руси от татаро-монгол, “сам держал” свой княжеский стол, независимо от Орды, именно поэтому он и начал именоваться самодержцем. Однако говорить о самодержавии в полном смысле слова, т. е. о неограниченной монархии, в тот период не приходится. Власть монарха была ограничена другими органами, прежде всего Боярской думой³, а начиная с 1549 г., верховная власть контролировалась и ограничивалась Земским собором. Царь не имел права без согласования с Боярской думой, а в некоторых случаях и с Земским собором, принимать правовые акты и решения по серьёзным внутренним и внешнеполитическим проблемам⁴.

В дальнейшем, в связи с развитием государственно-правового строительства, в России изменяется и смысл термина «самодержавие», переходя от широкого значения – «суворенитет государства» – к более узкому – «форма правления». Эта перемена впервые была зафиксирована в Артикуле воинском, принятом 30 марта 1716 г. Петром I, в толковании статьи 20 которого давались разъяснения полномочий верховной власти: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»⁵. Термин «самодержавие» в Артикуле воинском не употребляется, а всевластие монарха выражается словом «самовластный». Впервые термин «самодержавие» в новом его значении упоминается в произведении сподвижника Петра I Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей»: «Император российский есть монарх самодержавный и неограниченный: повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» (курсив наш – Н. З., Т. В.)

³ История государства и права СССР / под ред. О. И. Чистякова и И. Д. Мартысевича: в 2 ч. – Москва: МГУ, 1985. – Ч. 1. – С. 88.

⁴ См.: АЗР. – Т. IV. – Санкт-Петербург, 1851. № 180; СГГИД. – Москва, 1819. – Ч. 2. – № 199 (в этих актах подробно перечисляется компетенция всех высших органов власти: царя, Боярской думы и Земского собора, причем прерогативы последнего за время его существования постепенно увеличивались).

⁵ ПСЗ. – Т. 5. – № 3006. – Гл. 3. – Арт. 20. Толк.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург, 1912. – Кн. III. – Стб. 249. – 996 с.

[6, с. 312–313]. Легальное определение термин «самодержавие» получил в Манифесте «О вступлении на российский престол Её Императорского Величества Государыни Анны Иоанновны, о восприятии Самодержавия и об учинении присяги с приложением форм клятвенного обещания»⁶.

С новым значением этот термин начинает распространяться на всю историю России, начиная с середины XIX в., особенно после появления формулы министра просвещения графа С. С. Уварова (1786–1855): «Православие – Самодержавие – Народность».

В. Е. Вальденберг обнаружил, что в научной литературе отождествлять «самодержавие с абсолютизмом» (неограниченностью власти) первым начал Н. М. Карамзин, распространяя ситуацию, сложившуюся в XVIII–XIX вв., на всю русскую историю, что и было принято многими последующими историками [7, с. 14]. Против такой экстраполяции «новых смыслов» на «старую историю» в дореволюционной историографии категорически возражали В. О. Ключевский и С. А. Князьков. Последний по поручению Государственной думы провел специальное исследование понятий «самодержавие» и «абсолютизм» в их историческом и современном значениях и соотношении между собой. Государственная дума в 1906 году была поставлена перед необходимостью обновить текст «Основных государственных законов Российской империи» 1833 г., поскольку с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» Россия становилась конституционной монархией. Возникла насущная потребность разобраться в смысловых значениях терминов «самодержавие» и «абсолютизм». Согласно разъяснениям С. А. Князькова, законодатели исключили из статьи 4 Основных законов Российской империи термин «абсолютный», как не соответствующий конституционным положениям Манифеста 17 октября 1905 г., оставив формулу «самодержавная власть», сохранение которой С. А. Князьков объяснял её историческим значением. «История знает, – писал он, – что самодержавие, как оно складывалось жизни русского народа до XVIII в., не включало в себя понятия неограниченности», поэтому отныне «в рассуждениях о самодержавии» совершенно должно быть устранино соединение с ним понятия неограниченности власти над лицами и порядком. Самодержавие может означать теперь, при конституционной форме правления, только внешнюю независимость государя и государства», а во внутренних отношениях «империя Российская управляет на твёрдых основаниях положительных законов, утверждений и уставов от самодержавной [т. е. суверенной – Н. З., Т. В.] власти исходящих». В данной интерпретации самодержавие вновь, как и в более ранний исторический период, характеризовало не форму правления, а самостоятельность государства (государя) внутри страны и независимость

в межгосударственных отношениях.

Изменения в «Основных законах» были произведены согласно исторической справке С. А. Князькова, но, к сожалению, в бытовой лексике сохранилась семантика термина «самодержавие» в значении, сложившемся в XVIII в. и утвердившемся в середине XIX в., с оглядкой на вышеуказанную формулу графа С. С. Уварова.

На это обстоятельство обращали внимание и некоторые советские историки. Так, А. А. Зимин писал о недопустимости осовременивания источников, которые необходимо исследовать по определённым методологическим правилам, поскольку ход рассуждений и стандарты у мыслителей Средневековья были иными, нежели, чем у исследователей второй половины XIX в.⁷ Об этом же писали Н. Е. Носов [8, с. 7, 9, 10 и др.] и Л. В. Черепнин [9, с. 51, 58 и др.]. На данные обстоятельства обратили внимание и современные историки А. Ю. Дворниченко, М. В. Кривошеев и Ю. В. Кривошеев⁸. Но, к сожалению, историческое и современное значение термина «самодержавие» применительно к характеристике форм правления, существовавших в различные исторические эпохи, в дальнейших исследованиях не учитывалось. Случилось именно то, от чего предостерегал А. Я. Гуревич, обращая внимание, что «основные понятия, которыми неизбежно пользуются гуманитарные науки, сложились в Новое время и применение этих понятий к обществам далекого прошлого чревато опасностью приписать им такие отношения, которых тогда не существовало...» [10, с. 7]. Особенно эти положения касаются исследований средневекового государства и права.

Однако есть и другая точка зрения на этимологию термина «самодержавие». Например, Р. Г. Скрынников воспринимает слово «самовластец» как дословный перевод греческого титула «самодержец», утверждая, что в таком значении «Русь впервые познакомилась с византийским понятием “самодержавие”, понимая слова “самодержец” и “самовластец” как синонимы» [11, с. 79]. На какой-либо словарный фонд Р. Г. Скрынников не сослался. Соответственно, согласно высказанныму суждению, он отнёс формирование самодержавия в России к XV в. [11, с. 222].

В словарях не отрицаются греческие корни слова «самодержавие», но ему придаётся другое значение. Так, филолог И. И. Срезневский толкует «самодержество (ст. слово) – самодержавство, – “государство”»; в то же время слово «самовластец» толкуется как «противословье самодержца и непокорлива кажется человека (автократора)», (ссылка дана на текст «Пчелы» на греческом языке)⁹, т. е. не только не синоним,

⁷ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX вв. / составитель А. Л. Хорошевич. – Москва: Авенариус, 2015. – С. 124. – 440 с.

⁸ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Древней и Средневековой Руси. – Гатчина: СЦДБ, 2005. – Гл. 3.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург: изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1903. – Т. II.– Стб. 249.

⁶ ПСЗ. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. VIII. – № 5509. – С. 253.

а даже «противословье». Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в таком же смысловом значении приводит слова «самодержие – независимость, самостоятельность» и «самодержавный – независимый; но «самовольный (автократор) – свобода воли (принято в род. падеже) – изволение же есть, желание, хотение сущих» [ссылка дана на Сборник Житий и слов XI–XVI в. ГПБ, Соф., № 1365]¹⁰.

Словарь русского языка XI–XVII вв. по-иному понимает и толкует термин: «Самодержко – нареч. полновластно, независимо; – неограниченная власть монарха»¹¹. Этот словарь даёт позднюю этимологию слова «самодержавие», соединяя в ней такие понятия, как «независимо» и «полновластно», что стало характерным только в начале XVIII в. В нём, как сказал бы В. О. Ключевский, «новые смыслы» распространены «на старую историю», поскольку с XI по XVII вв. включительно слово «самодержавие», как и все производные от него, не включали в своё содержание таких значений, как «полновластие» и «неограниченность власти монарха».

В. И. Даль в 1863/4 г. применительно ко времени издания Словаря определил «самодержавие» как «монархическое полновластное, неограниченное от государственных учреждений, соборов или выборных от земства и чинов; сама власть самодержец, –жица, самодержавный государь; титул нашего Государя»¹². Здесь получило отражение изменение семантики слова «самодержавие», произошедшее, как нами было показано выше, в начале XVIII в. и тогда же зафиксированное в правовых актах.

Мы же, при рассмотрении избранной нами темы, принимаем толкование термина «самодержавие», а следовательно, и всех производных от него слов, согласно данным «Материала для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), а также выводов В. О. Ключевского и С. А. Князькова.

Рассмотрение избранной нами темы начинается с анализа форм правления, сформировавшихся в раннее Средневековье на Руси (XI–XIII вв.), в определении которых до настоящего времени сохраняются серьёзные разногласия.

Во всех современных исследованиях Новгородская и Псковская формы правления безоговорочно оцениваются как республиканские, а Киевская, Владимирская, Смоленская, Полоцкая и др. – как раннефеодальные монархии. Но существенных различий между ними, согласно данным источников, не наблюдается. Летописец в одном ряду перечисляет как равнозначные политические порядки, существующие во всех русских землях: «Новгородцы бо изначала и Смоля-

не и Кияне и Полочане и вся власти на дому на вечи сходятся и, что же старейшины сдумают на том и пригороды станут»¹³.

Многие современные учёные отмечают обширную компетенцию веча. «На вече в главном городе сходился и сельский люд из окрестных мест. Прибывали сюда и из пригородов. Полномочия веча были очень широкими, собравшееся «люди» решало самые разнообразные вопросы. Вообще, не только на вече, но и вне его, древнерусские люди, т. е. городское и сельское население, составляли действенную политическую силу»¹⁴.

В. В. Захаров назвал вече «высшим органом власти, управления и суда в Древнерусском государстве, ведущим свое начало от племенных собраний..., сохранявшим за рядовым свободным населением роль главного субъекта в политических отношениях». Он отметил, что «вопрос о роли и значении веча в исторической, и особенно историко-правовой науках окончательно не решен. Мнения колеблются от признания Древнерусского государства вечевым до отрицания значения веча в Киевской Руси», но и в случае признания политической роли веча в системе организации власти в домонгольской Руси диапазон в определении его статуса достаточно широк: от представления о нём как о главном инструменте народовластия до утверждения классового аристократического характера его деятельности, направленного на привлечение низов для поддержания интересов тех или иных группировок феодального сословия¹⁵. Однако при всём разнообразии точек зрения на роль веча во всех исследованиях до настоящего времени форма правления Руси XI–XIII в. безоговорочно определяется как раннефеодальная монархия.

С. А. Егоров, понимая несоответствие этого определения сложившимся политическим порядкам, предложил внести поправку в эту формулу: «Древнерусское государство было раннефеодальной монархией, но монархией республиканизированной (курсив наш – Н. З., Т. В.). Князь управлял, но не властвовал. Последнее слово в важнейших вопросах государственной жизни принадлежало народным собраниям – вече» (курсив С. А. Егорова). Устойчивость положения князя во многом зависела от того, насколько он находился в согласии («одинаковстве») с народом. Вече не только разделяло власть с князем, но и вмешивалось в дела управления: участвовало в назначении и смене княжеской администрации» [12, с. 34]. Даже решив вопрос о приглашении того или иного князя, вече могло потребовать замену его тиунов на вновь выбранных на том же вече. В случае несогласия князя вече его не утверждало.

С. А. Егоров, вводя в качестве новой формы правления «демократическую монархию», одним из первых попытался найти замену фор-

¹⁰ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Москва: Азбуковник, 2013. – Т. Х. – С. 564.

¹¹ Словарь русского языка. XI–XVII. – Вып. 23. – Москва: Наука, 2004. – С. 38.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. – Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – С. 133.

¹³ ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 379.

¹⁴ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Древней и Средневековой Руси. – Гатчина: СЦДБ, 2005. – С. 82.

мудре «раннефеодальная монархия», предложив что-то более соответствующее политическим порядкам, сложившимся на Руси в XI–XIII вв. Но и при всех вышеперечисленных обстоятельствах вряд ли можно согласиться с формулой «республиканизированная монархия» в силу логического противоречия, заключённого в ней¹⁶, хотя и в современном государствоведении существуют определённые симбиозы видов форм государственного правления, в частности, В. Е. Чиркин выделяет выборную и коллегиальную монархии¹⁷, однако их содержательная характеристика отличается от предложенной С. А. Егоровым и основывается на особенностях формирования верховной власти.

Подобную проблему пытались разрешать мыслители Древней Греции и Рима – Аристотель и Цицерон, формулировавшие смешанные формы правления, но ближе всех подошел к этой теме Данте Алигьери (1265–1321), предложивший в качестве политического идеала империю. Согласно его понятиям, «монархи» обычно называют «империей», поскольку в ней главенствует один правитель, возвышаясь над всеми, но он в реализации своих полномочий опирается на совещательно-законодательный орган (Сенат) и разветвленную сеть должностных лиц (консулы, преторы, ликторы), в большинстве своём избираемых на определённый срок римским народом. Идеалом Данте было Римское государство времён Октаавиана Августа (63 до н. э. – 14 н. э.), которое он называет идеальной монархией, или империей. При Октавиане Августе были сохранены все римские республиканские институты, и сам Октавиан называл Рим не империей, а принципатом, а себя принципом – первым среди равных. По мысли Данте, монарх (желательно всемирный) «не имеет ничего (т. е. никакой собственности), потому что ему «чуждо стяжательство, величайший из грехов человечества»¹⁸; всем его подданным советуется воспитывать в себе такие качества, как щедрость и умеренность. Глава государства является как бы нравственной душой своих подданных, поэтому, с точки зрения Данте, такую форму правильнее будет назвать империей. В трактате «Монархия» первым принципом её деятельности является следование во всех сферах справедливости¹⁹;

¹⁵ Захаров В. В. История государства и права России: учебник: в 2 т. / под общ. ред. В. М. Сырых. – Т. 1. Москва: Норма, 2016. – С. 15–16. – 447 с.

¹⁶ В этой формуле наличествует соединение противоречащих друг другу определений: монархия (лат. monarchia, др.-греч. μοναρχία – «единовластие»: μόνος – «одиночный, единичный» и ἀρχή – «управление единоличное»); республика (от лат. res publica – дело народное) – форма правления, при которой высшая власть принадлежит представительным органам, избираемым населением на определенный срок. Получается соединение в одной формуле двух контрадикторных понятий.

¹⁷ Чиркин В. Е. Сравнительное государствоведение: учебное пособие. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – С. 81. – 448 с.

¹⁸ Данте Алигьери. Малые произведения. Монархия. – Москва: Наука, 1968. – С. 305–306. – 313 с.

¹⁹ Определяя справедливость, Данте писал: «...мир лучше всего устроен, если высшую силу в нём имеет спра-

вторым – любовь к миру, потому что «всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано человечеством», и наконец, третье непременное условие существования идеальной империи (синоним монархии) – «правый суд», способный искоренить все раздоры между людьми. Однако его прекрасная мечта, как и идеалы Аристотеля («Политика» и «Афинская Полития») и Цицерона (Трактат «О государстве»), на которые Данте ссылается, ещё нигде не осуществились, но, безусловно, являются прекрасными утопиями, к которым, быть может, человечеству следует стремиться, поскольку они более всех иных способов организации власти приближаются к Божественной справедливости.

Следует обратить внимание ещё на одну особенность, характерную для многих современных исследований в области государствоведения. Некоторые историки государства и права, учений о государстве и праве России, равно как и представители других гуманитарных наук, признают, что термины «самодержец» и «самодержавие» употреблялись в XI–XVII вв. только для обозначения независимости носителя верховной власти и возглавляемого им государства. Следовательно, методика исследования средневековых форм государства, правовых актов и содержания политico-правовых доктрин ими определена и не должна, казалось бы, вызывать возражений. Однако по отношению к историческому и современному значениям основополагающей терминологии, употребляемой средневековыми мыслителями, единства в исследованиях всё еще не достигнуто. Более того, историческое значение этого термина часто игнорируется. Так, Ю. В. Кривошеев в предисловии к монографии «Русская средневековая государственность» пишет, что «с понятием о самодержавии общество того времени прежде всего соединяло мысль о внешней независимости страны». Однако далее автор не придерживается данной методики, сообщая, что «в конце XV – начале XVI вв. самодержавие (курсив Ю. В. Кривошеева) не может существовать без земства, как, допустим, в начале XVII в. земство не может существовать без монархии»; чему подтверждением является образование «единого русского государства как земско-самодержавного государства» (курсив наш – Н. З., Т. В.) [13, с. 89, 101–102]. Таким образом, учёный предлагает новую форму правления – «земско-самодержавную монархию», отступив

ведливость... Справедливость именовали даже Астрией (Астрия дочь Юпитера и богини правосудия Фемиды), т. е. божественной категорией; «она – прямая линия не терпящая никакой кривизны ни там, ни здесь, а потому она не бывает большей или меньшей, как не бывает такой белизна, рассматриваемая абстрактно». И. Н. Голенищев-Кутузов пояснил, что «Данте имел солидные юридические познания, основу которых он заложил в Болонье в ранней молодости, предположив возможное влияние, оказанное на Данте знаменитым болонским профессором юриспруденции Ирнерием (XII–XIII вв.), считавшим, что справедливость является основой государства» (Голенищев-Кутузов И. Н. Примечания к «Монархии» // Данте Алигьери. Малые произведения. Монархия. – Москва: Наука, 1968. – С. 594).

от исторического содержания термина «самодержавие», которому он в начале своей работы пообещал следовать.

В коллективной работе А. Ю. Дворниченко, М. В. Кривошеева и Ю. В. Кривошеева, несмотря на признание авторами исторического значения термина «самодержавие» как обозначения суверенитета государя и государства, вывод о форме правления, складывающейся при Иване III и Иване IV, выглядит следующим образом: опричнина «в определённой мере явилась продолжением преобразований, начатых при Иване III. Их суть заключалась в формировании государственной системы, состоящей из *самодержавной власти* (курсив наш – Н. З., Т. В.), опирающейся на земский строй»²⁰. Не обсуждая оценку опричнины вышеозначенными авторами²¹, отметим только, что в этом абзаце они совместили два элемента формы государства: политический режим – опричнина и форму правления – самодержавная власть. При этом, называя власть самодержавной, авторы не упомянули ни Боярскую думу, ни Земские соборы. Между тем Боярская дума укрепилась именно при Иване III, расширила свой состав, получив статус постоянного органа, принимавшего совместно с государем решения по серьёзным государственным делам, равно как и новые законы согласно сложившемуся обычаю: «всех общею думою с утверждения государя – “по государеву и великого князя указу и боярскому приговору”»²². Земские соборы начали свое легитимное существование с 1549 г., что ознаменовало переход к новой форме правления – сословно-представительной монархии. Царь Иван IV самодержавным (в смысле абсолютным) монархом, никогда не был, а введённый им кровавый политический режим (опричнина), позволил ему реализовывать своё «самоволие» («самохотение»), которое отнюдь не является ни в историческом, ни в современном значении синонимом «самодержавия»²³. Историками государства и права давно установлено, что Иван IV все значимые вопросы решал совместно с Боярской думой и Земскими соборами, да и последующие российские правители сохраняли этот порядок практически до конца XVII века.

Весьма показательна в этом плане современная статья Д. А. Верга, в которой он рассма-

тряивает «самодержавие» как специальный термин, характеризующий форму правления, «во многом способствующий [(?) Н.З., Т.В.]) традиционным идеалам русского народа, поскольку основным признаком самодержавия является сосредоточение всей полноты государственной власти, без проявления каких-либо исключений: разделения властей, наличия представительных органов и т. д.». Все происходит таким образом, потому что «общественно-политическая жизнь никогда не была в центре внимания русского народа [(?) – Н. З., Т. В.]. Для него скорее характерно формирование и поддержание нравственно-религиозных идеалов (одно другому не противоречит – Н. З., Т. В.)». Автор утверждает, что понимание государства как «Святой Руси» привело людей к поиску единичного носителя власти, который должен быть напрямую подчинён Божьей воле. По характеру такового в наибольшей степени подходил монарх-самодержец». Из этого положения следует вывод: «Русский народ нуждался... в подчинении политических отношений нравственным, единственным путём достижения подобного состояния являлось наделение верховной властью единственного человека, который способен “разрешить все дела”»²⁴.

Н. А. Шилов, несмотря на заверения о применении исторического подхода к исследованию темы, утверждает следующее: «Идеология централизованного государства *переросла* в идеологию строительства самодержавной, по сути своей абсолютной монархии» (курсив наш – Н. З., Т. В.); «абсолютное самодержавие», в результате противоборства идеологических моделей, продолжавшемся несколько десятилетий «вылилось в Смуту начала XVII в. и нашло временное разрешение в сословной монархии первой половины XVII в.»²⁵. Следовательно, согласно рассуждениям Н. А. Шилова, «абсолютное самодержавие» предшествовало сословно-представительной монархии, а не наступило после неё.

Т. А. Белова, А. Л. Брицкая, А. А. Козлова, Т. Г. Лобова, О. А. Свирина полагают, что «самодержавие обусловлено культурно-исторической традицией русского народа... нужно говорить о самодержавии, как о феномене русской цивилизации...». Для России традиционным является «самоуправление правителя в форме самодержавия». Исследователи утверждают, что «было бы невозможно построить самодержавие без особого менталитета, который существовал в русском обществе», поскольку «у народа сильна традиция народной монархии». Надо полагать, что авторы усматривают у русского народа изначальную приверженность к самодержавию, явно понимаемому в значении абсолютной монархии.

²⁰ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. Указ. соч. – С. 261.

²¹ По этому вопросу мы высказывали свое мнение неоднократно, наиболее подробно см.: Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI – начала XVII в.: «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» и Прибавления к ней: «Иное сказание тое же Беседы», «Извет» и «Проречение Кирилла Новоезерского»: монография. – Москва, 2021. – С. 281–424.

²² Штамм С. И. Судебник 1497 года. – Москва: Юридическая литература, 1955. – С. 13. – 112 с.

²³ Подобным несоответствиям формы правления и политического режима мы были неоднократными свидетелями: при А. Гитлере при республиканской форме правления был введен кровавый фашистский режим, который при всех своих зверствах форму правления не изменил; похожую ситуацию мы наблюдали в Португалии при А. О. Салазаре и в Италии при Б. Муссолини; есть и ещё примеры подобного как в XX, так и в XXI вв., притом с большим разнообразием.

²⁴ Верг Д. А. Самодержавие в России и его причины [Электронный ресурс] // Студенческий справочник: сайт. – URL: https://spravochnick.ru/politologiya/samoderzhavie_v_rossii_i_ego_prichiny (дата обращения 15.06.2023).

²⁵ Шилов Н. А. Идеология централизованного Московского государства XV–XVI вв. (по материалам литературных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2014. – С. 24–25. – 26 с.

лютизма [14, с. 287, 291]. Подобная точка зрения была широко распространена в зарубежной литературе²⁶. В частности, Ф. Кэрр в своей работе пишет, что основными чертами русской жизни является пассивный фатализм, сервиллизм и неуважение к правам человека, которые изначально отделили Россию от всего остального мира; так продолжалось в течение нескольких веков и до настоящего времени [15, с. 138].

Как справедливо отмечает О. А. Омельченко, «схема концепции, разработанная К. Марксом в 1843–1847 гг. только предварительно наметила вопрос о социальном облике абсолютизма... Отвлечённая же историко-политическая постановка проблемы... не может не деформировать в угоду политической актуальности угол рассмотрения проблемы» [16, с. 29], что, надо сказать, и происходит по сей день.

К сожалению, до настоящего времени многие авторы продолжают понимать термин «самодержавие» как синоним «абсолютизма», воспринимая политический режим, введённый опричниной (1564–1572 гг.), как «начало формирования самодержавия», т. е. абсолютной монархии в России²⁷.

Весьма противоречиво излагает свою позицию по вопросу о формировании самодержавия в России М. Н. Шевченко. Во введении к своему диссертационному исследованию он заверяет, что основополагающим принципом предпринимаемого им исследования является «историзм», в соответствии с которым «процессы, происходящие в прошлом, должны рассматриваться так, как они происходили в действительности, без модернизации прошлого и политического ангажемента». Тем не менее далее он пишет: «Русские книжники второй половины XV – первой трети XVI в. представляли царскую власть совершенно неограниченной. Русские книжники единственной формой управления признавали *единовластие*, которое в то время трактовалось как *самодержавие*»²⁸ (курсив наш – Н. З., Т. В.). И ещё: «Апология царской власти во второй половине XV – первой трети XVI в. становится основой идейного содержания работ книжников того времени». В заключении сообщается, что «книжники (исследуемого времени) не всегда осознанно, но практически создавали предпосылки для формирования неограниченной власти монарха»²⁹. Поименно в авторефере никто не назван.

²⁶ См.: например: Halperin Ch. J. The Russian Land and the Russian tsar: The Emergence of Muscovite ideology 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Bd. 23. – Berlin, 1976. – S. 7–102; Halperin Ch. J. Kiev and Moscow. An aspect of early Muscovite thought // Russian History. 1980. – vol. 7. – pt. 3. – P. 312–321; Kaiser D. The growth of the law in medieval Russia. – New Jersey, 1981. – 308 p.

²⁷ Феномен российского самодержавия [Электронный ресурс] // История России : сайт. – URL: <https://arts.sgu.ru/istoriya-10/fenomen-rossijskogo-samoderzhaviya/> (дата обращения 15.06.2023).

²⁸ Шевченко М. Н. Эволюция идеи «царской» власти на Руси во второй половине XV–первой трети XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006. – С. 13.

²⁹ Там же. – С. 13.

С. А. Князьков отмечал, что царь Иван Васильевич Грозный впервые «напал на мысль о самодержавии как о полной независимости власти не только от “советников”, но и вообще свободной в вопросах государственного строительства. На деле царь Иван не был государем, каким он хотел вообразить себе самодержца и вообще самодержавие... Царь Иван IV два раза созывал Соборы во время своего царствования – в 1550 и 1566 гг. Собор 1550 г. имел задачей обсудить улучшение местного управления и суда (на нём был утверждён Судебник 1550 г. – Н. З., Т. В.); Собор 1566 г. решал вопрос о войне с Польшей. Даже для формального учреждения опричнины и оправдания наступивших с ней казней царь Иван искал признаки согласия и одобрения народа, как свидетельствуют события, предшествующие опричнине» [17, с. 15, 20]. Для получения согласия на введение опричнины был созван Собор в 1564 г., но царь на нём его не получил, напротив, ему была подана Челобитная «за руками о опришнине, что не стоит сему быти...»³⁰.

Весьма своеобразно толкует термин «самодержавие» А. В. Серегин, рассматривающий его как «особый вид неограниченной монархии... самодержавие есть идеальная конструкция земской монархии, самоуправляемой на духовно-нравственных началах политического бытия. Она сродни теоретической конструкции демократического правового государства, коммунизма или царства Божия на Земле, которое чрезвычайно сложно воплотить на практике. Ближе всего к самодержавию стояла Московская Русь (XVI–XVII вв.) с органически организованными Земскими соборами, Царём, Боярской думой и губным самоуправлением народа». Но из этого описания вытекает вывод о сословно-представительной, а отнюдь не самодержавной монархии, при которой «самодержавный царь» мог одними своими указами и распоряжениями решать участь своих подданных»³¹.

А. В. Серегин, как и С. А. Егоров, правильно ставит вопрос о необходимости теоретических разработок форм правления и поисков новых их вариантов, но с предложениями данного автора вряд ли можно согласиться, поскольку никакой теоретической новизны они не содержат, а предлагают новое сочетание уже имеющихся понятий, причём противоположных по смысловому значению. Эти авторы даже не попытались опровергнуть существующие в научной литературе точки зрения, противоположные их собственным суждениям, а об исторической и современной этимологии термина «самодержавие», как и обозначаемого им понятия, вообще не вспоминали.

Подобная позиция привела к распространившемуся в современной научной литературе утверждению о наличии во всех российских политических доктринах, начиная с XI в. и до на-

³⁰ ПСРЛ. – Т. 34. – С. 190.

³¹ Серегин А. В. Форма государственного правления: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 25.

чала ХХ вв., обоснования и защиты «самодержавия» как синонима абсолютной монархии. Так, политолог Н. В. Асонов относит первый этап развития доктрин, утверждающих самодержавие в России, к XI–XIII вв.; второй этап – к XIII–XIV вв. и третий – к XIX – началу XX вв.³² При этом автор термины «единодержавие», «самодержавие» и «абсолютизм» (как и обозначаемые ими понятия) употребляет как синонимы, в то время как каждое из них имеет самостоятельное смысловое значение, во всяком случае, в определённые исторические периоды (самодержавие и абсолютизм); а «единодержавие» вообще употреблялось для обозначения государственного устройства, а не формы правления. В таком же плане характеризуется форма правления на всех этапах исторического развития отечественной государственности в «Основах курса по истории России», написанных коллективом авторов, где форма правления в России XV–XVI вв. назана «неограниченным самодержавием»³³.

С. О. Шмидт считает, что «Соборам в XVI в. (т. е. в период оформления сословно-представительной монархии – Н. З., Т. В.) не придавали такого значения, как в XVII в». Кроме того, в 60-х гг. XVI века «Грозный – впервые или заново – сформулировал для себя самого или для других, основные принципы идеологии “вольного самодержавства”, бывшие «по существу идеологией опричниной, оправданием и обоснованием опричной политики» [18, с. 242]. Земским соборам, уже существовавшим в это время, С. О. Шмидт приписывает «укрепление самодержавия». «В России, – пишет он, – в XVI в. первые сословные учреждения и в центре (Земские соборы), и в провинции оформляются тогда же, когда становятся заметными признаки российского абсолютизма (подавленные вскоре восточным despotizmом политики опричниной), а затем правительство в XVII в. держало курс на укрепление абсолютизма через Земские соборы» [18, с. 261]. В конечном итоге С. О. Шмидт приходит к выводу, что «к русскому государственному строю (речь идет о форме правления – Н. З., Т. В.) второй половины XVI в. применимо, думается, определение, данное В. И. Лениным» [18, с. 247]. Он не цитирует это определение, а даёт лишь ссылку на него. Приведем его текст: «Русское самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII в. с его бюрократией и служебным сословием...»³⁴. Следует отметить, что В. И. Ленин сравнивает «самодержавие» XVII и XVIII вв., употребляя этот термин в смысловом значении, полученном им в середине XIX в. (т. е. имея в виду уваровскую формулу), не выделяя его историческую этимологию. В современ-

ном же смысле никакое самодержавие не может существовать при наличии Боярской думы с законодательными полномочиями, выборными Земскими соборами в центре и избираемыми органами самоуправления на местах (по Губной и Земской реформам 1550-х годов). Предложенная С. О. Шмидтом конструкция сформирована им, во-первых, при совмещении элементов формы государства (формы правления и политического режима), во-вторых, при употреблении термина «самодержавие» в современном, а не историческом его значении.

Похожая точка зрения представлена Р. Г. Скрыниковым: «Русское “самодержавие” конца XV–XVI в. было на деле ограниченной монархией с Боярской думой и боярской аристократией» (близкий к тексту перифраз всей той же ленинской цитаты) [19, с. 28]. «Самодержавие» в этом предложении закавычено, следовательно, автор понимает, что никакого «самодержавия» в значении абсолютной монархии при наличии Думы, а затем еще и Земского собора, не было и быть не могло.

О «значительном укреплении самодержавия» в царствовании Ивана Грозного пишет и филолог О. В. Творогов³⁵. А. А. Булычев называет царя Ивана IV «московским самодержцем» и «российским самодержцем», совмещая в своем интересном и профессиональном исследовании форму правления с политическим режимом (опричниной), ибо никаких разъяснений этим формулам он не даёт [20, с. 13, 17, 19, 21–22 и др.].

И. Я. Фроянов определяет форму правления, сложившуюся в России в XVI веке «в царствование Ивана IV», как «православное самодержавие», «теократическое самодержавие», «русское самодержавие», считая князя А. М. Курбского «противником Московского самодержавия» и «знаменитым врагом самодержавства Ивана IV» [21, с. 278, 328, 392, 394].

Не лучше дело обстоит и в историко-правовых работах. Так, например, в учебниках по истории государства и права России республиками признавались только Новгород и Псков, а организация верховной власти во всех остальных княжествах обозначалась как раннефеодальная монархия. При этом не отрицалось, что и в них существовали такие органы, как совет при князе и вече, созываемое «для решения наиболее важных вопросов»³⁶.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в современных исследованиях часто встречается употребление в качестве синонимов терминов с разным смысловым значением. Некорректно, как тождественные,

³² Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореферат дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2009. – С. 22. – 42 с.

³³ Орлов А. С., Георгиев В. А., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России. – Москва: Проспект, 1997. – С. 106. – 650 с.

³⁴ Ленин В. И. Полн. Собр. соч. – Т. 17. – С. 346.

³⁵ Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – С. 136–137.

³⁶ История государства и права России: учебник / отв. ред. Ю. П. Титов. – Москва: Былина, 1996. – С. 52 и др.; История государства и права России: учебник / под ред. С. А. Чибирияева. – Москва: Былина, 1998. – С. 46–47 и др.

рассматриваются понятия «единодержавие», «самодержавие» и «единовластие».

Во-вторых, во многих исследованиях отсутствует теоретическое представление о форме государства и её элементах: форме правления (организации верховной власти), политическом (государственном) режиме (совокупности методов и способов реализации власти) и государственном устройстве (разделении государства на административно-территориальные единицы). Весьма часто элементы формы государства совмещаются или подменяются один другим (например, форма правления – политическим режимом), либо при названии одного элемента рассматривается другой (например, вместо означенного государственного устройства анализируется форма правления).

В-третьих, в научных исследованиях зачастую происходит ничем не обоснованная подмена терминов «самодержавие» и «абсолютизм».

При этом самодержавие ошибочно рассматривается либо как вид формы правления, либо как понятие, совмещающее в себе два элемента формы государства – форму правления и политический режим.

В-четвертых, ключевым терминам, обозначающим основные политические категории в понятийном аппарате средневековых мыслителей, придается значение, приобретенное ими в Новое и Новейшее время. К таким терминам прежде всего относятся «самодержавие» и такие формулы, как «теократическое самодержавие» и «теократический абсолютизм», не применявшиеся в Средние века.

В-пятых, рассмотренные в статье проблемы обуславливают необходимость при исследовании формы государства и её элементов в исторической ретроспективе использовать не только понятийный ряд соответствующей эпохи, но и современные теоретические знания о государственно-правовых явлениях.

Список литературы

1. Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 65–88.
2. Титов Ю. П. Проблемы Российского абсолютизма / Проблемы истории абсолютизма : сборник научных трудов ВЮЗИ. – Москва: ВЮЗИ, 1983. – С. 4–24. – 121 с.
3. Пашуто В. Т. Поборник научного историзма / Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма : сборник статей. – Москва: Наука, 1981. – С. 5–11. – 280 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. – Т. 2. Курс русской истории. – Ч. 2. – Москва: Мысль, 1988. – 447 с.
5. Ключевский В. О. О государственности в России. – Москва: Мысль, 2003. – 604 с.
6. Феофан Прокопович. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей / Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Россия XI–XIX вв. – Москва: Мысль, 1999. – Т. IV. – С. 312–316.
7. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. – Москва: Территория будущего, 2006. – 368 с.
8. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. – Ленинград: Наука, 1969. – 601 с.
9. Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. теорет. пробл. истории феодализма : сб. статей. – Москва: Наука, 1981. – 280 с.
10. Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. – Москва: Искусство, 1984. – 349 с.
11. Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 580 с.
12. Егоров С. А. История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. – Ярославль: ЯрГУ, 2001. – 336 с.
13. Кривошеев Ю. В. Русская средневековая государственность. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 129 с.
14. Белова Т. А., Брицкая А. Л., Козлова А. А., Лобова Т. Г., Свирина О. А. Традиции российского самодержавия // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 3. – Ч. 2. – С. 286–295.
15. Carr F. Ivan the Terrible. – London: Newton Abbot, Totowa (N. J.), 1981. – 220 p.
16. Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме (К критике традиционных проблем исторического государствоизделия) / ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. – Москва: Издательство МГИУ, 2000. – Вып. 1. – С. 7–53.
17. Князьков С. А. Самодержавие в его исконном смысле. – Санкт-Петербург, 1906. – 37 с.
18. Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. – Москва: Мысль, 1973. – 359 с.
19. Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. – Москва: Московский рабочий, 1988. – 543 с.
20. Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. – Москва: Знак, 2005. – 301 с.

21. Фроянов И. Я. Драма русской истории. На путях к опричнине. – Москва: Парад, 2007. – 947 с.

References

1. Rakhmatullin M. A. K diskussii ob absolyutizme v Rossii // Istorya SSSR. – 1972. – № 4. – S. 65–88.
2. Titov Yu. P. Problemy Rossiyskogo absolyutizma / Problemy istorii absolyutizma : sbornik nauchnykh trudov VYUZI. – Moskva: VYUZI, 1983. – S. 4–24. – 121 s.
3. Pashuto V. T. Pobornik nauchnogo istorizma / Cherepnin L. V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya: teoreticheskiye problemy istorii feodalizma : sbornik statey. – Moskva: Nauka, 1981. – S. 5–11. – 280 s.
4. Klyuchevskiy V. O. Sochineniya v 9 t. – T. 2. Kurs russkoy istorii. – Ch. 2. – Moskva: Mysl', 1988. – 447 s.
5. Klyuchevskiy V. O. O gosudarstvennosti v Rossii. – Moskva: Mysl', 2003. – 604 s.
6. Feofan Prokopovich. Pravda voli monarshey vo opredelenii naslednika derzhavy svoyey / Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. – Rossiya XI–XIX vv. – Moskva: Mysl', 1999. – T. IV. – S. 312–316.
7. Val'denberg V. Ye. Drevnerusskiye ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti: Ocherki russkoy politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka. – Moskva: Territoriya budushchego, 2006. – 368 s.
8. Nosov N. Ye. Stanovleniye soslovno-predstaviteльnykh uchrezhdeniy Rossii: izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo. – Leningrad: Nauka, 1969. – 601 s.
9. Cherepnin L. V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya. teoret. probl. istorii feodalizma : sb. statey. – Moskva: Nauka, 1981. – 280 s.
10. Gurevich A. Ya. Kategorii Srednevekovoy kul'tury. – Moskva: Iskusstvo, 1984. – 349 s.
11. Skrynnikov R. G. Russkaya istoriya IX–XVII vv. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. – 580 s.
12. Yegorov S. A. Istorya otechestvennogo gosudarstva i prava. IX – pervaya polovina XIX veka. Opty problemnogo izlozheniya. – Yaroslavl': YarGU, 2001. – 336 s.
13. Krivosheyev Yu. V. Russkaya srednevekovaya gosudarstvennost'. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2008. – 129 s.
14. Belova T. A., Britskaya A. L., Kozlova A. A., Lobova T. G., Svirina O. A. Traditsii rossiyskogo samoderzhaviya // Prepodavatel' XXI vek. – 2022. – № 3. – Ch. 2. – S. 286–295.
15. Carr F. Ivan the Terrible. – London: Newton Abbot, Totowa (N. J.), 1981. – 220 r.
16. Omel'chenko O. A. Istoriko-politicheskaya kontsepsiya absolyutnoy monarkhii v klassicheskom marksizme (K kritike traditsionnykh problem istoricheskogo gosudarstvovedeniya) / FEMIS. Yezhegodnik istorii prava i pravovedeniya. – Moskva: Izdatel'stvo MGIU, 2000. – Vyp. 1. – S. 7–53.
17. Knyaz'kov S. A. Samoderzhaviye v yego iskonom smysle. – Sankt-Peterburg, 1906. – 37 s.
18. Shmidt S. O. Stanovleniye rossiyskogo samoderzhavstva: Issledovaniye sotsial'no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo. – Moskva: Mysl', 1973. – 359 s.
19. Skrynnikov R. G. Likholet'ye: Moskva v XVI–XVII vv. – Moskva: Moskovskiy rabochiy, 1988. – 543 s.
20. Bulychev A. A. Mezhdu svyatymi i demonami: Zametki o posmertnoy sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo. – Moskva: Znak, 2005. – 301 s.
21. Froyanov I. Ya. Drama russkoy istorii. Na putyakh k oprichnine. – Moskva: Parad, 2007. – 947 s.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted July 03, 2023; approved after reviewing July 20, 2023; accepted for publication July 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.